

ГЛАВА VIII.

Промышленность.

Понятіе о промышленности, ея общіе признаки и свойства. — Связь промышленности съ исторіею — при помощи капитала и съ государственностію — при помощи общаго умноженія достатковъ. — Производители и потребители. — Спросъ хлѣба и труда. — Фритредерство и протекціонизмъ. — Предметъ дальнѣйшаго изложенія, ближе касающагося современной Россіи.

Нѣтъ предмета, часто у всѣхъ находящагося на глазахъ, всюду себя проявляющаго, и однако болѣе сбивчиваго и наименѣе разобраннаго, по его смыслу и значенію, чѣмъ промышленность. Трудно поэтому и писать о ней такъ, чтобы быть понятымъ именно въ такомъ смыслѣ, который хочешь вложить; какъ разъ, по предразсудку-ли, или невольно, написанное многіе поймутъ совсѣмъ не такъ, какъ сказано. Много для того причинъ, но всѣхъ — по мнѣ — важнѣе три. Во-первыхъ, самое понятіе о промышленности сравнительно ново, а это имѣетъ большое значеніе, потому что все дѣйствительно новое, многозначущее, всегда сперва рисуется въ умѣ очень мало отчетливымъ и принимается съ недовѣріемъ; сбивчивость же умножается при этомъ тѣмъ, что кое-какіе корни находятся и для промышленности, какъ для многого иного, въ старинѣ, такъ что столь еще многочисленные и до нынѣ діалектики новое понятіе о промышленности силятся нерѣдко свести на стародавнее представленіе о всякаго рода занятіяхъ, и мысли многихъ при этомъ сбиваются на воображаемая прелести начальнаго быта, въ которомъ о промышленности, конечно, и рѣчи быть не могло, потому что начальный бытъ людей, какъ бытъ животныхъ, опредѣляется исключительно личными потребностями своими и своихъ близкихъ, промышленность же имѣетъ въ виду

потребности всего рода людскаго и только въ томъ числѣ свои личныя и близкихъ людей. Постепенные переходы — естественны, но помимо нихъ разность крайностей такъ же велика, какъ между одѣянiемъ первичнымъ и производимымъ промышленностью, между яблокомъ дикимъ и садовымъ, освѣщенiемъ лучиною и электричествомъ. Въ начальномъ производствѣ можно найти зачатки промышленности, но лишь въ такой же мѣрѣ, какъ въ яичномъ желткѣ заложены начала будущаго организма, развивающiеся лишь при особыхъ, соотвѣтствующихъ условiяхъ. Вторую существенную причину трудности отчетливой ясности рѣчей о промышленности составляетъ малая точность самого этого слова. Достаточно сказать, что одни подъ словомъ „промышленность“ понимаютъ только передѣлку сырья или то, что образуетъ ремесла и фабрично-заводскую часть промышленности, вовсе не причисляя сюда сельскаго хозяйства, торговли и т. п.; другiе же разширяютъ понятiе на всю добычу сырья, на его передѣлку, распредѣленiе и перевозку, ограничивая однако промышленность материальностию предметовъ производства или обращенiя, то есть „товарами“ — въ обычномъ или тѣсномъ смыслѣ этого слова. Но такъ какъ и энергiи или работы, напр. освѣщенiе жилища электрическимъ свѣтомъ, не материальны, въ обычномъ смыслѣ, а продаются и такой товаръ производить можно всякими способами, начиная съ мускульной работы людской до давленiя вѣтра, то тутъ можно остановиться, гдѣ кому вздумается, и расширять понятiе о промышленности до полнаго уничтоженiя какой либо опредѣленности. Отсутствие этой опредѣленности, зависящее отчасти отъ быстрого возростанiя промышленности какъ въ количественномъ отношенiи, такъ и въ качественномъ, весьма много зависитъ отъ третьей стороны дѣла, по которой на все промышленное, съиздавна, даже со временъ египетско индiйскаго или позднѣе — афинскаго, Платономъ идеализированнаго — дѣленiя людей на касты или сословія — по роду занятiя, смотрятъ не только свысока, но даже съ нѣкоторымъ презрѣнiемъ, что увы, сохранилось еще до нашихъ дней, хотя не въ первоначальномъ рѣзкомъ, а монархiями, образованiемъ и революціями исковерканномъ и смягченномъ видѣ, однако настолько, что и понынѣ рѣдкій, рѣдкій писатель, актеръ, учитель или ученый, а тѣмъ паче чиновникъ, банкиръ, баронъ или землевладѣлецъ согласится считаться

въ числѣ промышленниковъ, хотя и они живутъ, назначая и продавая другимъ свой трудъ или часть своихъ приобретенныхъ или наслѣдственныхъ правъ, въ замѣнъ вознагражденія, то-есть тою сложною, специализированно-раздробленною и безъ сомнѣнія искусственною новою жизнью, какая вызвала, создала и ежечасно умножаетъ промышленность, а сама создана или вызвана, какъ показано ранѣе, преимущественно гуманностію — при умноженіи числа людей. Знаю я, что тутъ касаюсь очень чувствительнаго, отчасти даже болѣзненнаго, мѣста въ тѣлѣ или дѣлѣ почти всего человѣчества (Китай и тутъ исключеніе), что сильно рискую не угодить нашимъ пережиткамъ помѣщичьяго (привитаго, а не прирожденнаго) барства или аристократизма, говоря о предметѣ столь деликатномъ, но все же по принципу рѣшаюсь и о немъ высказаться опредѣленно, напомнивъ однако сперва о томъ, что у китайцевъ — и при всеиліи Богдыхана — не было и нѣтъ наслѣдственныхъ сословій, всякое занятіе почитается почтеннымъ и требующимъ уваженія, добро же и зло, равно какъ знаніе и невѣжество ясно различаемы и понимаемы также, какъ въ странахъ съ развитымъ аристократизмомъ, что Христосъ искалъ учениковъ болѣе всего между близкими къ природѣ, трудолюбивыми людьми, особенно рыбаками, возвѣщая „горе книжникамъ и фарисеямъ“, то есть резонерству законниковъ и неидущимъ впередъ формалистамъ, блаженство же духовно нищимъ, то есть — по мнѣ — презираемымъ, ищущимъ лучшаго лишь впереди, и что послѣ реальной гибели схоластики въ эпоху Возрожденія, умъ европейцевъ немало отрезвился и воспрянулъ, отрѣшившись отъ аристократическихъ, и вообще сословныхъ предвзятостей, въ чемъ одномъ Великая Революція конца XVIII вѣка искупила не малую часть своихъ тяжкихъ грѣховъ, такъ какъ въ сущности проповѣдала идеальные „свободу, равенство и братство“ ради реальной борьбы здраваго смысла и добрыхъ нравовъ съ явно грубыми недостатками одряхлѣвшаго аристократизма, сыгравшаго — при сложеніи европейскихъ народовъ въ государства — свою весьма важную историческую роль. Рыцари, въ свое время составлявшіе суть войска страны, были также ей очень полезны, а потомъ стали совершенно излишними. Время какого либо значенія аристократизма ушло невозвратно, и это не отъ того, что ари-

стократы что либо упустили, а оттого, что сперва было время индивидуализма (см. гл. 6), а теперь начинается время міръ охватывающаго общаго, соціальнаго, — „новѣйшая“ исторія. Чтобы выразить свою мысль еще болѣе отчетливо, скажу прямо, что, по мнѣ, для дальнѣйшихъ успѣховъ человѣчества вообще и каждой его группы или государства, въ частности, европейцы, ставшіе въ главу міроваго движенія, должны — не столько по формѣ, сколько по внутреннему убѣжденію — совершенно и навсегда отказаться отъ всякихъ видовъ аристократическихъ или помѣщичьихъ предразсудковъ, то есть перестать въ своемъ обиходѣ кичиться породой или родомъ, правами безъ обязанностей, достаткомъ или подготовкой, полученными отъ родителей, а уважать и почитать только успѣвающихъ въ работахъ или трудахъ всякаго рода или размѣра, совершаемыхъ для пользы и блага другихъ и чрезъ нихъ или отъ нихъ только и получающихъ свое дѣйствительное значеніе, такъ какъ Ньютонъ не могъ бы быть безъ предшествоващаго ему Галилея, а Пушкинъ не могъ бы такъ пѣть, еслибы до него не было русскихъ пѣсенъ и сказокъ, Лессепсъ не провелъ бы Суэзскаго канала (какъ не проведенъ еще Панамскій), еслибы не было массы, ему помогающей, и Суворовъ не билъ бы враговъ, еслибы не имѣлъ съ собою русскихъ солдатъ. Время инертной неподвижности массъ, поглощенныхъ въ одни свои личные интересы и толкаемыхъ или подвигаемыхъ только отдѣльными единицами — было, да прошло или окончательно проходить; пришло же или вотъ, вотъ наступаетъ время иное, когда всѣ почти частицы массы, повидимому безпричинно, шевелятся и тѣмъ самымъ выдвигаютъ выдающіяся, передовыя единицы, какъ расшевелившіяся массы земли выпячиваютъ горныя вершины — путемъ сложнѣйшимъ, едва сознаваемымъ, который одними, въ нѣкоторомъ смыслѣ дарвинистами, почитается естественнымъ слѣдствіемъ постепенно слагавшихся ранѣе того условій, а другими, нѣсомнѣнными идеалистами, признается божескимъ закономъ или приближеніемъ къ предсуществуемому идеалу высшей разумности. Чтобы у отдѣльныхъ лицъ помирить требованія ума и сердца, а у совокупностей людскихъ разумность съ нравственностію, при наступившей сложности или спеціализаціи въ раздѣленіи труда, конечно, недостаточно уже кастовыхъ или сословныхъ

различій, въ сущности, по роду профессиональныхъ занятій, а скорѣе или вѣрнѣе можно разобраться, выдѣляя по цѣлямъ и средствамъ, самостоятельно (оригинально) — новое или то, что Тарлѣ называлъ „изобрѣтеніями“, отъ подражательнаго, лично-эгоистическаго отъ общественно-альтруистическаго, а по темпераменту — спѣшливо-революціонное отъ настойчиво-постепеннскаго. Пусть ехидство ретроградовъ сходится съ неразумѣніемъ анархистовъ въ отношеніи къ отождествленію аристократизма съ правительствомъ вообще и особенно съ монархическимъ, утверждая, что одно съ другимъ связано неразрывно и что нареканіе на одно подразумеваетъ осужденіе и другого; ихъ аргументы до конца опровергаются даже уже тѣмъ, что на монарховъ и вообще верховныхъ правителей съ теченіемъ времени, какъ извѣстно всякому, падаетъ все болѣе и болѣе бремя тяжелыхъ трудовъ, сложныхъ обязанностей, опасностей и отвѣтственности, а съ аристократовъ все это только сбавляется до нуля или до салонной болтовни, и уже тѣмъ, что Китай, наследственнаго аристократизма незнавшій, всегда былъ монархическимъ и сохраняется многія тысячелѣтія, чего нѣтъ ни для одной республики и ни для одного изъ сотенъ государствъ, имѣвшихъ аристократовъ, такъ какъ послѣдніе всегда были первыми между ворчунами, смутьянами, интриганами (отъ ничего-недѣланія и безотвѣтственной безпечности) и даже неразъ очень ловкими бунтарями, шатавшими самые устои, на которые опирается порядокъ, хотя у нихъ обыкновенно идетъ—ради самихъ себя—рѣчь о консерватизмѣ и хотя бываютъ аристократы по личнымъ свойствамъ, преданные прогрессу и порядку, труду и дѣйствительнымъ заслугамъ, ибо и они такіе же люди какъ всѣ и при томъ нерѣдко получившіе хорошее образованіе. Суть дѣла сводится къ тому, чтобы, не отнимая ничего — даже пожалуй и титуловъ — отъ аристократовъ, всѣмъ даровать ихъ исключительно-реальные права и на всѣхъ возложить одинаковыя обязанности, что уже начато въ видѣ всеобщности воинской повинности и что легко развить мѣрами постепенски-мягкими, ради немалой выгоды общаго, земскаго блага, состоящаго въ единовременномъ удовлетвореніи требованій разумнаго индивидуализма и прочной соціальности. Дѣло идетъ, по сущности, лишь о правительственномъ довѣріи въ расширенныхъ размѣрахъ и лишь къ личнымъ достоин-

ствамъ и трудамъ на общую пользу, вмѣсто пристрастія къ особымъ исключительнымъ родамъ. Неравенства всегда останутся громадными, но въ направленіи не застоя или одного прошлаго, а въ сторону передовую, приспособленія и уразумѣнія, обязанностей, а не однихъ только правъ или привилегій. При этомъ отпадетъ, безъ новыхъ передрагъ, кромѣ уничтоженія сословныхъ различій ¹⁾, не только прежнее высокомѣріе въ отношеніи къ исполнителямъ механической работы, особенно если она ведется ради общихъ потребностей и цѣлей (такъ какъ такая работа, подобная солдатской, не можетъ совершаться правильно безъ надлежащаго общаго внутренняго усилія), не только кичливость умственными или эстетическими упражненіями, если они ничего не даютъ массамъ (такъ какъ такія упражненія въ огромномъ большинствѣ случаевъ совершаются съ механическою послѣдовательностію, по путямъ уже указаннымъ), но и наступитъ возможность взаимно-братскаго уваженія и довѣрія, которыя у Конфуція выражены въ понятіи о „церемоніяхъ“, а Европою послѣ XVIII вѣка, въ требованіи „равенства“. Когда массамъ недовѣряютъ, они мало по малу и невольно сами обучаются недовѣрію.

Этими „общими мѣстами“ или, если угодно, „жалкими словами“, необходимо было мнѣ предварить свои завѣтныя мысли, относящіяся къ промышленности, потому что безъ этого остались бы, какъ я думаю, отчасти непонятыми слѣдующія мои исходныя положенія, которыя мнѣ кажется лучшимъ сперва формулировать, а лишь потомъ развивать тѣ изъ нихъ, для которыхъ это покажется мнѣ надобнымъ; доказывать же каждое изъ нихъ считаю просто невозможнымъ, потому что для того нужны цѣлые томы.

1) Промышленности нѣтъ ни у какихъ животныхъ, даже самыхъ близкихъ къ людямъ по внѣшности, хотя и животные собираютъ запасы, строятъ себѣ жилища, дороги и т. п. и обмѣниваются услугами, то-есть промышленность, какъ государственное устройство и какъ наука, составляетъ одно изъ сложныхъ и высокихъ по значенію людскихъ изобрѣтений, требующихъ большей разумной опытности, чѣмъ, на-

¹⁾ Во Франціи и въ С.-А. Штатахъ они уничтожены, а потому страны эти, по мнѣ, опередили Англію и Германію, гдѣ они остались еще и это важные козыри первыхъ предъ вторыми. Китай стоитъ въ такомъ же отношеніи къ Японіи.

примѣръ, скопленіе въ семьи и общины (кланы), войны, переселенія и т. п. Первая ступень — сельское хозяйство.

2) Зародившись изъ обдуманнѣхъ навыковъ въ удовлетвореніи насущнѣйшихъ личныхъ и семейныхъ, сперва матеріальныхъ, потребностей, внушивъ уразумѣніе великаго значенія принципа „раздѣленія труда“ или его специализации и послуживъ прямымъ указателемъ выгодной преимущественности всякаго обмѣна услугъ и торговли, промышленность была и будетъ однимъ изъ важнѣйшихъ вѣдущихъ двигателей всѣхъ успѣховъ умножающагося человечества, хотя во главу взаимныхъ людскихъ отношеній становится съ также мало подходитъ, какъ наукѣ, искусству, воинству и священству, хотя и они составляютъ постепенно сложившіеся специальные виды людского развитія, содѣйствующіе какъ общенію людей, такъ и ихъ прогрессу.

3) Начинаясь добычею природнаго сырья, обрабатывая его затѣмъ при помощи пользованія видами природной энергіи, доставляя, какъ сырье и энергію, такъ и продукты производства отъ мѣстъ ихъ нахожденія къ мѣстамъ потребленія или спроса и стремясь примѣнять во всѣхъ этихъ случаяхъ способъ свободной мѣны, промышленность, понимая это слово въ широкомъ смыслѣ, не только постепенно связываетъ людей общими интересами, но и прямо стремится къ мирному теченію всѣхъ дѣлъ между людьми, какъ внутри государства, такъ и между государствами.

4) Пользуясь при добычѣ сырья и примѣненіи силъ или энергій природы ея законами, полученными изъ простой любознательности при исканіи истины, промышленность стремится всѣми способами принаровиться къ наукѣ, а ей, сверхъ идеальныхъ ея цѣлей, показываетъ чисто реальныя. Поэтому науки, такъ сказать, дружатъ съ промышленностію и онѣ совокупными усиліями хлопочуть, какъ могутъ, объ „общенародномъ благѣ“.

5) Производя свои товары для пользованія другихъ людей (и только въ ихъ числѣ и чрезъ ихъ мѣну для личнаго пользованія), промышленность принадлежитъ къ тому разряду людскихъ дѣйствій, который долженъ быть явно отличенъ отъ эгоистическихъ и причисленъ къ альтруистическимъ, хотя вопросы нравственные или моральные при установленіи промышленности не играютъ прямой роли.

6) Промышленность, подобно питанію, составляетъ потребность численно возрастающаго человѣчества, а потому не можетъ быть считаема или почитаема ни какъ добро, ни какъ новая форма зла, ибо она составляетъ естественную необходимость въ отношеніяхъ между природою и умножившеюся совокупностію людей, а покоряя природу, по своему существу, назначается для служенія людямъ. Что хлѣбъ для жизни отдѣльнаго человѣка, то промышленность для жизни скученныхъ людскихъ массъ. При умноженіи числа людей должны умножиться какъ добыча питательныхъ веществъ, такъ и число, качество, количество и объемъ видовъ промышленности, которая постепенно овладѣваетъ и самою добычею питательныхъ веществъ, содѣйствуя ихъ обмѣну, какъ видно уже изъ того, что въ странахъ съ развитою промышленностью такихъ общихъ голодовокъ не бываетъ, какія свойственны начальному быту. Добро и зло могутъ быть, конечно, и въ промышленности, какъ бываютъ во всѣхъ людскихъ дѣйствіяхъ, но преобладаніе добра надъ зломъ въ промышленности тѣмъ обезпеченнѣе, чѣмъ болѣе она основывается на свободномъ, открытомъ соглашеніи, подлежащемъ общему сужденію и суду, и, вообще, чѣмъ болѣе совершенно организуется. Какъ одинъ изъ позднѣйшихъ видовъ людскихъ отношеній, промышленность еще подлежитъ многимъ дальнѣйшимъ усовершенствованіямъ, которыя въ ней тѣмъ легче совершать, что она есть вполнѣ дѣло рукъ человѣческихъ, мыслей и соотношеній. Въ передѣлывающихъ ея частяхъ (фабрики и заводы) это совершенствованіе во всѣхъ отношеніяхъ удобоисполнимѣе, чѣмъ въ добывающей промышленности, напр. сельское хозяйство явно ограничено количествомъ земли, а горное дѣло — запасами земныхъ нѣдръ.

7) Промышленность, умножающаяся съ возрастаніемъ количества и качества потребностей, вызываетъ ростъ „изобрѣтательности“, то-есть нахожденія новыхъ способовъ удовлетворенія всякимъ старымъ и новымъ потребностямъ съ наименьшею затратою всякой работы и труда, т. е. съ наибольшею дешевизною. Въ этомъ направленіи она имѣетъ свои идеалы, состоящіе въ достиженіи всѣми наибольшаго удовлетворенія всякихъ потребностей при наименьшей затратѣ механической работы, производимой людьми, съ возложеніемъ

по возможности всѣхъ усилій этого рода на виѣшнюю природу, умножая лишь людской трудъ умственныхъ усилій, вниманія и предусмотрительной расчетливости, чрезъ что трудъ не только возвышается въ своемъ общемъ значеніи, но и облегчается, открывая возможность общаго довольства не только при прежнемъ количествѣ лицъ, но даже и при умноженіи числа людей, что немислимо было бы безъ развитія промышленности въ указанномъ направленіи. Даже такіа сравнительно малая изобрѣтенія, какъ швейной или пилющей машины, избавляютъ людей отъ массы работы, трудъ облегчаютъ, ускоряютъ и улучшаютъ.

8) Понимаемая даже въ узкомъ смыслѣ слова (т. е. безъ всей добычи и торговли), промышленность все же повсюду является кормилицею прибывающему и развивающемуся человѣчеству, потому что добыча неизбѣжно потребныхъ начальныхъ, особенно питательныхъ, продуктовъ постепенно упрощается, становится все болѣе и болѣе обезпеченною и требующею все меньше и меньше рукъ на ту же массу сырыхъ продуктовъ, а отъ этого являются избытки незанятыхъ людей (босяковъ), промышленность же даетъ имъ полезный для другихъ трудъ, а отъ него и прокармливающіе заработки. Для умножающагося человѣчества „заработки“ столь же необходимы, какъ „хлѣбъ“, потому что на заработки можно купить хлѣбъ, и если сельское хозяйство преимущественно удовлетворяетъ послѣдней потребности, то промышленность преимущественно—первой. При томъ прибывающему человѣчеству во многихъ странахъ уже недостаетъ земли для труда. Исторически и во всѣхъ прочихъ отношеніяхъ, одинъ видъ промышленности (добыча, и въ частности — сельское хозяйство) тѣснѣйше связанъ съ другимъ (передѣлывающею или фабрично-заводскою промышленностью) до такой степени, что всякое ихъ разъединеніе, а тѣмъ паче всякое ихъ противоположеніе, должно считать не только дѣло затемняющимъ, но и вреднымъ для правильнаго пониманія существующихъ нынѣ соотношеній. Предстоящая человѣчеству жизнь все болѣе, полнѣе и очевиднѣе станетъ промышленною, хотя начальная вовсе ею не была. На ту часть промышленности, а именно на фабрично-заводскую ея долю, на которую чаще всего сыплются разнообразныя нареканія, по существу, слѣдуетъ смотрѣть какъ на естественнѣйшее явленіе роста, подобное по-

явленію волосъ, напримѣръ, на усахъ и бородѣ, чего сначала, въ дѣтствѣ, не бываетъ. Безтолково роптать на это, а въ явленіи томъ необходимо видѣть наступленіе другихъ, новыхъ потребностей возростающаго организма. Если съ возрастающими новыми волосами и хлопотливѣе, и даже въ-роятнѣе загрязненіе, — это не оправдываетъ нареканий, не придаетъ имъ разумности, а только увеличиваетъ заботы о чистотѣ и о правильности въ удовлетвореніи вновь появившихся естественныхъ потребностей. Извѣстная же степень оптимизма обязательна въ отношеніи ко всему естественному, потому уже, что пессимистическое хуленіе естества не измѣнить его, какъ дѣла божескаго, а оптимизмъ дастъ возможность сознательно отнестись къ наступившему новому положенію вещей, а потому и ко всему дальнѣйшему росту. Въ этомъ смыслѣ отысканіе добрыхъ или полезныхъ для чело-вѣчества сторонъ продолжающагося до безконечности промышленнаго роста гораздо болѣе общаетъ, чѣмъ простое хуленіе его или одно нахожденіе его недостатковъ, которые должно однако видѣть и отыскивать средства для ихъ возможнаго устраненія. Этимъ опредѣляется все мое личное отношеніе къ промышленности, понимаемой хоть въ наиболѣе узкомъ смыслѣ слова, не говоря уже о наиболѣе широкомъ, который содержитъ все совершаемое по добровольной мѣнѣ или, если угодно, за плату по товарамъ или по услугамъ. Надо же признать, что и землевладѣлецъ, нанимающій рабочихъ и продающій продукты или здающій свою землю въ аренду, промышленникъ не въ меньшей мѣрѣ, чѣмъ купецъ или банкиръ, ссужающій деньги.

9) Понимая промышленность даже въ узкомъ смыслѣ слова, то-есть имѣя въ виду лишь передѣлывающуюся долю, скопившуюся въ ремеслахъ, на фабрикахъ и заводахъ, все же, сверхъ естественности ея возникновенія и существованія, должно видѣть глубокую и благую связь ея съ государственнымъ устройствомъ и съ теченіемъ исторіи жизни людей, то-есть съ наиболѣе чистыми и священными частями истиннаго консерватизма, который прежде всего состоитъ въ сохраненіи чело-вѣчества, въ устраненіи поводовъ къ гибели его частей и въ продолженіи ихъ естественнаго развитія. Оставляя въ сторонѣ сюда не относящуюся и еще незаконченную исторію возникновенія изъ раздробленныхъ се-

мей и общинъ болѣе или менѣе обширныхъ государствъ ¹⁾, нельзя не видѣть, что въ настоящее время промышленныя отношенія, основанныя на мѣнѣ и достаткѣ, занимаютъ одно изъ первѣйшихъ мѣстъ какъ въ жизни отдѣльныхъ государствъ, такъ и въ ихъ взаимныхъ соотношеніяхъ, такъ какъ законодательная работа, составляющая видимый центръ дѣятельности современныхъ государствъ, сосредоточивается всюду преимущественно на промышленныхъ отношеніяхъ и вопросахъ, которыми болѣе всего наполняются парламентскія и имъ подобныя обсужденія. Въ наше время даже большинство войнъ явно или скрыто опредѣляется промышленными отношеніями странъ, особенно если къ ихъ числу присоединить и добычу сырья на занятой территоріи. Даже въ такихъ понятіяхъ великой государственной важности, какъ свобода и справедливость, яснѣе, реальнѣе и отчетливѣе всего выступаютъ промышленные вопросы: о свободѣ промышленнаго труда, безъ особыхъ привилегій по происхожденію, и о справедливости въ распредѣленіи достатковъ по соотвѣтствію съ количествомъ и качествомъ затрачиваемаго на общую пользу труда, что составляетъ одинъ изъ центральныхъ вопросовъ всей промышленности, имѣющихъ непосредственныя точки соприкосновеній съ вѣчными вопросами общественной и индивидуальной нравственности ²⁾. Такими путями промышленность, вызванная заботами о благѣ общему, тѣсно и явно связывается съ государственностію, которая первѣе всего, по современнымъ понятіямъ, назна-

¹⁾ Неизлишнимъ считаю вновь обратить вниманіе на то, что въ Старомъ свѣтѣ первоначальная идея пользы большихъ государствъ возникла и осуществилась несомнѣнно въ Азіи; греки и римляне взяли ее отсюда, а отъ нихъ вся остальная Европа, въ которой, какъ въ Африкѣ или Австраліи, господствовали лишь кланы и удѣлы. Въ азіатской идеѣ государства, безъ сомнѣнія, немалую роль играли завоеванія и военное господство, но изъ развитія общаго достатка и изъ быстрого умноженія населенія—въ эпохи мира (все же болѣе частаго, чѣмъ было при раздробленности)—стали скоро очевидны всѣмъ выгодныя стороны большихъ государственныхъ сложений и они къ нашему времени взяли очевиднѣйшій верхъ надъ первичнымъ сложеніемъ въ малыя группы.

²⁾ Повторю еще разъ, что излагая свои мысли съ возможною краткостію и полнотою, я избѣгаю въ большинствѣ случаевъ фактическихъ доказательствъ ихъ основательности не только потому, что считаю излагаемое и безъ того яснымъ и стчасти признаннымъ, но и ради того, чтобы не писать цѣлыя томы.

чается для удовлетворенія тѣмъ же заботамъ объ общемъ благѣ. Государство преслѣдуетъ эту цѣль во всемъ ея объемѣ, а промышленность прежде всего со стороны матеріальной, безъ которой ни энергія, ни духъ не дѣйствуютъ и даже умомъ не постигаются.

10) Въ промышленности, понимаемой въ любомъ изъ обычныхъ смысловъ, сверхъ природныхъ веществъ и силъ и сверхъ приложенія къ нимъ разныхъ формъ и видовъ людского труда, неизбежно необходимъ капиталъ не только для пріобрѣтенія или найма земли и сырья и для оплаты трудового заработка участникамъ производства (ранѣе возврата стоимости продажѣ), но и для обзаводства предварительно заготовляемыми орудіями и условіями, необходимыми для переработки, напримѣръ, для подготовки земли, возведенія зданій, пріобрѣтенія двигателей и передѣлывающихъ приборовъ (снарядовъ, орудій, станковъ и т. п.), для первоначальнаго обученія надлежащимъ пріемамъ всѣхъ участниковъ (такъ какъ для выгоды сбыта необходима согласованная заранѣе организація всѣхъ частей сложнаго дѣла) и, наконецъ, для обоснованія, при помощи кредита, торговыхъ оборотовъ при сбытѣ производимыхъ товаровъ. Въ этой великой потребности капитала скрыты главныя особенности промышленности, причина ея поздняго и труднаго возникновенія, а также поводы ко множеству господствующихъ нареканій и недоразумѣній, существующихъ въ отношеніи къ дѣламъ промышленнаго свойства, и способы выхода изъ существующаго здѣсь положенія вещей. Понятіе о капиталѣ принадлежитъ къ числу растяжимыхъ, и я избѣгну его разсмотрѣнія, а только напому три его основныхъ качества, пользуясь которыми легко можно постепенно сокращать худыя стороны капитала, расширяя хорошія:

а) Происходя отъ перевѣса трудовой добычи надъ непосредственно потребляемымъ и сохраняемымъ (сберегаемымъ) прежде всего ради обезпеченности предстоящаго существованія противу неблагопріятныхъ случайностей въ будущемъ, капиталъ составляетъ продуктъ разумности прошлаго времени, что служить не только къ возрастанію разумной предусмотрительности вообще, но и къ укрѣпленію исторической связи современныхъ поколѣній съ прошлыми. Пріобрѣтенная земля, построенный домъ, устроенная фабрика, заго-

товленное орудіе и т. п., составляют капиталы не только потому, что могут быть проданы, ибо спрашиваются и другими, но уже и потому, что облегчают обеспеченность въ будущемъ, будучи устроены въ прошломъ. Въ этомъ смыслѣ капиталы, а чрезъ нихъ и промышленность, ими пользующаяся, представляютъ немаловажную историческую особенность жизни частныхъ людей, а чрезъ нихъ и общества, то-ссть въ нихъ реально консервируется прошлое, обеспечивается настоящее и подготавливается развитіе предстоящаго.

б) Такъ какъ капиталы состоятъ изъ разнороднѣйшихъ непротребленныхъ, всѣми спрашиваемыхъ цѣнностей, то они подлежатъ обмѣну и, поэтому, могутъ быть выражаемы деньгами, какъ знаками или общими товарными единицами мѣны труда, и выражаютъ собою степень богатства, а такъ какъ произведенное, но непротребленное, очевидно, можетъ возрастать, то могутъ существовать всѣ степени богатства народнаго и нѣтъ видимаго предѣла для накопленія капиталовъ, тогда какъ приростъ природныхъ условій труда, напримѣръ, земли, руды, водъ, лѣсовъ и т. п., имѣетъ реальный и непреодолимый предѣлъ. Это все зависитъ отъ того, что капиталъ, какъ трудъ, есть дѣло людскаго развитія, а не природное. Голландія богата, несмотря на природную свою бѣдность, Россія же, какъ Китай, бѣдна—несмотря на природныя свои богатства. Поэтому, первѣйшую и настоятельнѣйшую обязанность правительствъ составляетъ скопленіе всѣхъ условій для возможности и возбужденія въ народѣ усиленнаго труда, накопленія капиталовъ и возрастанія богатства. Просвѣщеніе, промышленность и организація управленія назначаются между прочимъ для этой реальной цѣли.

и в) Выражая капиталы въ деньгахъ, легко видѣть, что они могутъ или скопляться у отдѣльныхъ собственниковъ, какъ земли у крупныхъ землевладѣльцевъ, или раздѣляться до безконечности, что въ промышленности выражается или въ единоличныхъ предпріятіяхъ, или въ разнообразнѣйшихъ формахъ предпріятій на сборные капиталы, начиная съ акціонерныхъ до артельныхъ или кооперативныхъ, подобныхъ потребительнымъ и производительнымъ товариществамъ. Съ исторической точки зрѣнія, вся промышленность, особенно передѣлывающая, началась съ раздробленныхъ мелкихъ единоличныхъ, такъ называемыхъ, ремесленныхъ или съ семейно-

кустарныхъ предпріятій, но подъ вліяніемъ капиталовъ, ранѣе скопленныхъ землевладѣльцами и торговцами, постепенно въ большинствѣ производствъ перешла въ крупныя единоличныя и акціонерныя предпріятія, легко могущія болѣе или менѣе своекорыстно монополизировать производство ко вреду какъ потребителей, такъ и участниковъ промышленнаго труда и хотя крупные землевладѣльцы, преимущественно аристократы, дали первый образецъ такой монополизациі, они же, соединившись съ неразумными соціалистами и анархистами, сильно, и отчасти справедливо, возстаютъ противъ этой новѣйшей формы промышленной эволюціи, ближайшимъ поводомъ къ чему болѣе всего служитъ то обстоятельство, что во многихъ странахъ капиталисты пріобрѣли большую долю того вліянія на правительственныя сферы, которое прежде принадлежало преимущественно крупнымъ землевладѣльцамъ. Выходъ изъ такого современнаго положенія вещей, принимая во вниманіе великое значеніе промышленности для блага народнаго и прогресса, должно видѣть, помимо всякихъ переворотовъ, не только въ томъ, чтобъ устранять отъ вліянія на управленіе страной всѣхъ монополизирующихъ трудъ крупныхъ землевладѣльцевъ и капиталистовъ, но и особенно въ томъ, чтобы всемѣрно содѣйствовать уменьшенію самой возможности монополизациі какъ земель, такъ и капиталистическихъ единоличныхъ промышленныхъ предпріятій. Сравнительно легкая возможность возникновенія (особенно въ странахъ съ еще невыросшею промышленностію, какова Россія) новыхъ крупныхъ промышленныхъ предпріятій при помощи сборныхъ капиталовъ, а въ особенности кооперативныхъ—даетъ здѣсь выходъ болѣе легкій, чѣмъ въ землевладѣніи, такъ какъ новыя земли не всегда возможно получить даже за крупный сборный капиталъ. Притомъ, какъ подробно указано въ главѣ 4-й надъ примѣромъ С.-А. С. Штатовъ, заработки участниковъ передѣлывающей промышленности возрастаютъ, давая возможность скопленію мелкихъ капиталовъ, а барыши предпринимателей сбавляются, чрезъ что открывается возможность кооперативныхъ предпріятій самихъ участниковъ въ передѣлывающей промышленности. Въ такой эволюціи ясно сказывается способность капиталовъ къ дробленію и скопленію и въ этомъ, по мнѣ, должно видѣть полную и сравнительно

(съ землевладѣніемъ) скорую возможность устраненія главнаго зла въ передѣлывающей и торговой промышленности, какъ въ выкупѣ земель отъ крупныхъ землевладѣльцевъ искупленіе зла земельного аристократизма, ибо капиталъ въ промышленности играетъ почти ту же историческую и народную роль, какъ земля въ сельскомъ хозяйствѣ.

Такимъ образомъ скопленный капиталъ, составляя основной нервъ видовъ промышленности, по своему существу много содѣйствуетъ обезпеченности и всему благу народному и находится въ исторической связи съ развитіемъ видовъ народной обезпеченности и съ накопленіемъ богатства, по начавши сильно дѣйствовать лишь сравнительно недавно — всего одно или два столѣтія, капиталъ еще требуетъ многихъ разумныхъ общественныхъ и правительственныхъ усилій для того, чтобы при помощи его не возникали виды монополизациі потребителей (возвышеніе цѣнъ товара) и производителей (пониженія цѣнности труда участниковъ), что, по всей видимости, полнѣе всего можетъ быть достигнуто кооперативными предпріятіями промышленно-торговаго характера.

11) Промышленность, удовлетворяя реальнымъ общественнымъ потребностямъ, въ тоже время отвѣчаетъ и личнымъ, потому что участіе въ ней — по крайней мѣрѣ въ странахъ съ нѣкоторымъ развитіемъ современной просвѣщенности — свободнѣе, чѣмъ въ большинствѣ иныхъ дѣлъ людей, и потому еще, что въ ней необходимо участіе множества лицъ съ разнообразнѣйшей подготовкой и со всевозможными склонностями, начиная отъ простыхъ рабочихъ, способныхъ лишь къ механической работѣ, до научно или общественно сильныхъ руководителей, такъ что въ ней неравенства отдѣльныхъ личностей столь же сильны, какъ во всѣхъ прочихъ людскихъ дѣлахъ и специализація даетъ свои несомнѣныя преимущества, равно какъ честность, усидчивость, талантливость, смѣлость и болѣе всего — образованность. Это сочетаніе общаго съ личнымъ болѣе всего дѣлаетъ промышленность дѣломъ передовымъ или прогрессивнымъ, а болѣе промышленные народы, — наиболѣе сильными во всемъ, отнынѣ и впредь.

Вышеуказанныя общія черты, выяснившіяся для промышленности лишь сравнительно недавно, мнѣ кажутся доста-

точными для того, чтобы далѣе не останавливаться вовсе надъ какими бы то ни было огульными ея осужденіями, увы, еще очень нерѣдкими, и прямо утверждать, что во всѣхъ странахъ, желающихъ двигаться впередъ, нельзя не только предоставить ея теченіе случайностямъ, но и обязательно необходимо особое попеченіе о промышленности, понимая тутъ, подъ этимъ словомъ, конечно, и сельское хозяйство, и торговлю, и перевозку, и всякую стройку, словомъ, промышленность въ широкомъ смыслѣ слова. Для выясненія вопросовъ, сюда относящихся, требуется затѣмъ, по моему мнѣнію, разобрать нерѣдко смутныя понятія о производителяхъ и потребителяхъ, да о покровительствѣ (протекціонизмѣ) и свободѣ (фритредерствѣ) промышленности, что я и постараюсь вслѣдъ за симъ выполнить въ наиболѣе краткомъ видѣ, какъ умѣю, предполагая лишь затѣмъ обратиться въ частности къ промышленности Россіи.

Были, и конечно останутся, даже между взрослыми, такіе же чистые потребители, каковы дѣти, въ видѣ лицъ все необходимое отъ другихъ получающихъ, а ничего другимъ не дающихъ ¹⁾, но ихъ должно разсматривать, подобно дѣтямъ, какъ явленіе недоразвитости или подготовки къ нормѣ, состоящей въ обмѣнѣ разныхъ услугъ или цѣнностей. Это не пресловутое „око за око, зубъ за зубъ“, въ которомъ слышится не только злоба, но и крайнее стремленіе къ внѣшне-реальному равенству, чего нѣтъ и слѣда въ мнѣнѣ, господствующей при болѣе развитомъ и мягкомъ промышленномъ строѣ. Каждый потребитель въ сущности долженъ при этомъ строѣ быть и производителемъ: одно производить, другое спрашивать и потреблять, т. е. одно получать, давая другое или непосредственно или, для сокращенія хлопотъ, сперва превращая его въ деньги, которыя въ сущности та-

¹⁾ Въ ихъ числѣ нерѣдко прежде всего подразумѣваютъ капиталистовъ, участвующихъ въ промышленно-торговыхъ предпріятіяхъ и держащихъ государственныя и частныя процентныя бумаги, то есть участвующихъ въ биржевыхъ оборотахъ. Это несовсѣмъ вѣрно, потому что тѣ и другіе даютъ свои средства для развитія пром. дѣль и тѣмъ принимаютъ въ нихъ свое участіе, выражающееся наглядно въ томъ, что бумаги и предпріятія могутъ лопаться и слѣдовательно тѣ лица могутъ терять, какъ всякій производитель. Полезности въ подобныхъ лицахъ немного, но всеже они ее даютъ, и до поры и времени они все же должны считаться въ числѣ двигателей промышленности.

кой же реальный товаръ, какъ и хлѣбъ или полотно. Если промышленность понимать въ широчайшемъ смыслѣ слова то-есть причислять къ ней и всѣ личные труды и услуги, совершаемыя за вознагражденіе, то чистыхъ потребителей въ строгомъ смыслѣ останется мало, почти всѣ окажутся въ то-же время и производителями, то-есть происходить лишь мѣна. Безъ хлѣба, одежды и жилища, конечно, и жить нельзя, а безъ табаку или свѣчей, безъ военныхъ или учителей, безъ писателей или чиновниковъ — жить все-же можно, но въ томъ то и дѣло, что при умноженіи человѣчества и облегченіи способовъ добычи хлѣба, одежды и жилищъ, на всѣхъ людей не хватитъ доли этой добычи, а прочія потребности нельзя удовлетворить помимо этихъ военныхъ, учителей, писателей, чиновниковъ и т. п. производителей новыхъ, сверхъ животныхъ, чисто людскихъ потребностей. Считая потребителями всѣхъ послѣднихъ, явно впадаютъ въ ретроградство, не подозревая того, животное ставятъ выше человѣка. Въ современномъ человѣческомъ смыслѣ поэтому слѣдуетъ къ словамъ: „производитель и потребитель“ — непременно прибавлять — по отношенію къ чему сказано слово: къ хлѣбу ли и т. п. или къ тому духовному, что сказалось когда то преимущественно въ священствѣ и аристократизмѣ, а теперь ярче всего сказывается въ чиновничествѣ, коренномъ и выборномъ, въ войскѣ и представителяхъ наукъ и искусствъ. На нихъ сбивается мысль, бродящая въ поискахъ за лучшимъ и не разъ попадавшая въ дебри мечтательности и ретроградства. Мои мысли, сюда относящіяся, останутся, однако, совершенно невыясненными, если, во-первыхъ, не видѣть во всемъ указанномъ такого соотвѣтствія, которое должно считать даже прямо эквивалентностью, потому что потребление не можетъ быть безъ производства; балансы обоихъ приравниваются, если капиталъ, то-есть избытокъ и остатокъ непотребленнаго, назначаемый для облегченія и усиленія дальнѣйшаго производства, причислить къ потребленію. Отсюда уже видно второе слѣдствіе: благо народное, все его богатство и все будущее опредѣляется не столько развитіемъ потребления, сколько ростомъ производства цѣнностей и потребностей или полезностей. Мысль эта сложна, и въ то же время легко объемлема, до того, что я предпочитаю и не развивать ея подробнѣе, ожидая того, чтобы сама жизнь

указала ея истинный смыслъ. Потребительство, доводимое подчасъ даже до истребительства, свойственно и животному и всему начальному быту людей, умѣющему истощать, обирать и все требовать, а производство умѣетъ отвоевывать и отъ пустынь условія лучшей жизни, создаетъ, а не разрушаетъ запасовъ, не истребляетъ, а потому производительная часть дѣятельности много важнѣе потребительной для „блага народнаго“.

Здѣсь мы подходимъ къ жгучему вопросу объ отношеніи правительствъ къ промышленности. Древность считала, какъ считаютъ до нѣкоторой степени манчестерцы и понынѣ, дѣло промышленности вольнымъ, предоставляемымъ личному соперничеству (конкуренціи) и только для иностранной торговли дѣлала кое-какія исключенія, почитая ее въ числѣ „внѣшнихъ“ сношеній, завѣдываемыхъ правительствомъ. Формулу „laissez faire“, вообще отвѣчающую передовому призыву къ свободѣ, стали понимать какъ полное невмѣшательство правительствъ въ промышленно-торговья отношенія. Отсюда произошла и пріобрѣла, особенно въ срединѣ XIX вѣка, громадную силу школа „free trade“ („свободный рынокъ“, т. е. фритредерская) и до сихъ поръ еще господствующая въ англійскомъ представительствѣ. Цѣльная обаятельность ея внушеній нарушилась прежде всего во внутреннихъ промышленныхъ отношеніяхъ между предпринимателями и рабочими, такъ какъ пришлось при помощи правительственныхъ инспекторовъ регламентировать многія стороны отношеній фабрикантовъ и заводчиковъ какъ къ нанимаемымъ рабочимъ, такъ и къ окружающему населенію. Обаятельность фритредерства, ведя свое начало отъ Адама Смита, Кобдена и т. п. талантливѣйшихъ мыслителей, зависѣла преимущественно отъ того, что внѣшнее могущество и внутреннее богатство Великобританіи вмѣстѣ со „свободою торговли“ стали быстро и для всего міра явно возрастать. Это совпаденіе нисколько не случайно, а зависитъ преимущественно отъ того, что свободную внѣшнюю, т. е. исключительно морскую, торговлю стали въ Англіи проповѣдывать и примѣнять лишь тогда, когда прежде того два столѣтія укрѣпляли эту торговлю сильнѣйшими и исключительными покровительственными мѣрами (протекціонизмомъ) англійскому мореходству („навигационный актъ“, 1651) и довели его до преобладанія во всемъ свѣтѣ надъ мореход-

ствомъ другихъ странъ, затѣмъ оттого, что передѣлывающая промышленность къ тому времени была развита въ странѣ уже до того, что занимала и кормила большую часть жителей и требовала сильнаго вывоза, такъ какъ далеко превышала внутренній спросъ, и наконецъ отъ того, что уже тогда внутреннее производство хлѣба, мяса и т. п. сельскохозяйственного сырья, несмотря на явныя усовершенствованія, было недостаточно и требовался ввозъ, отъ свободы котораго выигрывало большее число жителей, чѣмъ то, которое теряло отъ невыгодности многихъ частей сельскаго хозяйства. Словомъ, время для введенія свободы внѣшней торговли и для ея пользы на благо своего народа, выбрано было англичанами отличное. Изъ примѣра Англіи и изъ ему подобныхъ (въ Бельгіи, Франціи и др.), конечно, вовсе не слѣдовало, что все зависѣло только отъ принципа свободы, вложеннаго въ ученіе фритредеровъ, какъ стали въ началѣ послѣдней половины XIX вѣка повсюду проповѣдывать, преимущественно благодаря блестящей защитѣ этого ученія — Бастіа, и еслибы для противовѣса не выступили, вслѣдъ за германскими (Листъ и др.) и американскими (Кэри и др.) начинателями, проповѣдники промышленнаго націонализма, фритредерство долго бы владѣло умами, къ великой выгодѣ Англіи и вообще странъ, успѣвшихъ уже довести до избытковъ свое внутреннее промышленное производство и занять свое мѣсто въ выгодахъ міровой торговли. Основная посылка протекціонизма, по моему мнѣнію, состоятъ изъ двухъ соображеній. Первое гласитъ, что самостоятельное государственное устройство, требующее всемѣрныхъ заботъ о богатствѣ и всемъ благѣ народномъ, необходимо должно имѣть въ виду возрастаніе внутренняго производства, особенно тѣхъ товаровъ, которые уже спрашиваются страной и имѣютъ природныя условія (сырье, рабочую силу, пути сообщенія и т. п.) для возможности производства ихъ внутри страны, такъ какъ чрезъ это подданные получаютъ новые заработки, страна богатѣетъ и при развитіи внутренняго производства отъ соперничества предпринимателей, избытка товаровъ и сокращенія перевозки, товары тѣ должны современемъ дешевѣть, хотя бы первоначально и произошло увеличеніе ихъ цѣнности. Второе соображеніе состоитъ въ томъ, что всякое, начинаемое (иногда и усиливаемое) въ странѣ производство, какъ дѣтство и юность,

требуетъ до возмужанія особой поддержки и покровительства, потому что по незнакомству предпринимателей и рабочихъ съ техническими подробностями начатаго дѣла, товары должны обходиться себѣ дороже, чѣмъ въ странахъ съ укоренившеюся тою же промышленностію, а особенно вслѣдствіе того, что для начинателей необходимы новые торговые обороты, внушеніе довѣрія и оттого большіе оборотные капиталы (для кредита), новичкамъ всегда достающіеся лишь за чрезмѣрно высокіе проценты, лежащіе на цѣнность производимыхъ товаровъ. Поэтому протекціонизмъ требуетъ, между прочимъ, таможенной защиты отъ иностранныхъ конкурентовъ или обложенія тѣхъ товаровъ, которыхъ производство желательно возбудить, особою ввозною пошлиною, величина которой опредѣляется изъ существующей цѣнности иностраннаго ввоза и разочтенной возможною цѣностію того же товара внутренняго производства. Пока такое обложеніе касается ввоза товаровъ не первостепенной потребности (т. е. не такихъ, напр., какъ хлѣбъ, каменный уголь, желѣзо, грубыя ткани и т. п.), а такихъ, безъ которыхъ можно легко обходиться и можно получать на мѣстѣ (напр., предметы комфорта, ремесленной передѣлки и т. п.), обложеніе ввозимаго, хотя временно, и удорожаетъ цѣны для потребителей, но давая новые доходы и новые заработки производителямъ, а также и государству (т. е. облегчая сборъ податей и налагая ихъ на то, что можетъ вынести обложеніе), такое таможенное обложеніе еще не возбуждаетъ сомнѣній, особенно же когда дѣло идетъ о товарахъ, подлежащихъ внутреннему акцизу, какъ спиртные напитки, табакъ, сахаръ и т. п. Вопросы становятся далѣе острыми только по отношенію къ такимъ товарамъ первостепенной важности, какъ хлѣбъ, минеральное топливо, желѣзо съ его издѣліями и т. п., такъ какъ, удорожаясь, хотя бы и временно, отъ таможеннаго обложенія, товары эти спрашиваются прежде всего производителями и они, расходуя болѣе, должны не только возвышать цѣны на все ими производимое, но и встрѣчать многія затрудненія при добычѣ капитала, потребнаго для производства. Вотъ здѣсь то и переходъ отъ протекціонизма къ націонализму, потому что независимое и самостоятельное существованіе государства, а особенно его сила и движеніе впередъ, при условіи значительныхъ размѣровъ страны и ея населенности, немислимы,

въ обычныхъ условіяхъ, безъ внутренней обеспеченности въ производствѣ необходимѣйшихъ товаровъ, не только потому, что въ первой войнѣ это скажется съ великою силою, но и потому, что недостаточное развитіе внутренняго производства необходимѣйшихъ товаровъ (которыхъ количество и переработка, по существу понятія о необходимости, занимаетъ много рукъ и даетъ большіе заработки) отнимаетъ отъ жителей много условій для возможности правильного роста богатства народнаго и ставитъ страну въ тяжелую экономическую зависимость отъ поставщиковъ этихъ необходимыхъ товаровъ. Такъ, въ послѣдней четверти XIX столѣтія многія страны Западной Европы дошли до обложенія ввозными пошлинами неизбѣжно необходимаго имъ иностраннаго хлѣба, и если Англія еще можетъ держаться свободы его ввоза (что убило ея хлѣбопашество), то лишь потому, что лежитъ на островѣ, содержитъ сильнѣйшій защитный флотъ, оберегающій ея міровую торговлю, и такъ устраиваетъ политическія отношенія, что дружить только для того, чтобы ссорить и не дать столкнуться возможнымъ ей соперникамъ и хлѣбнымъ поставщикамъ. Но и въ ней, съ Чемберленомъ во главѣ; благодаря промышленному соперничеству Германіи и С. А. С. Штатовъ, развившихъ свое производство при помощи, между прочимъ, протекціонизма, возрождается и, безъ сомнѣнія, современемъ восторжествуетъ протекціонизмъ, котораго держатся и ея самостоятельныя колоніи, подобныя Австраліи, Канадѣ и т. п., такъ что недалеко впередъ видно такое же всеобщее признаніе протекціонизма, какимъ еще столь недавно пользовалось фритредерство. Какъ для фритредерства важенъ примѣръ Англіи, такъ для протекціонизма важны быстрые успѣхи С. А. С. Штатовъ. И немного надо сообразительности, чтобы уразумѣть свою наибольшую пользу отъ фритредерства для странъ съ развитою уже промышленностію и торговлею, а протекціонизма для странъ, въ которыхъ надо эти послѣднія развивать или даже начинать. Понятно также что въ первомъ случаѣ будетъ преобладать ввозъ сырья и вывозъ передѣланныхъ продуктовъ, а во второмъ обратно, что и освѣщаетъ путь. А такъ какъ народъ умножается всюду, требуя заработковъ, они же легче всего, точнѣе и правильнѣе всего доставляются передѣлывающею промышленностію, и она позднѣе всѣхъ возникаетъ, то для блага отдѣльныхъ странъ и

всего человѣчества протекціонизмъ пока — до поры и времени — служить свою важную службу — уравниенія народовъ, то есть доводить всѣ ихъ до промышленнаго строя. Въ золотой срединѣ умѣреннаго и разумнаго протекціонизма, по моему мнѣнію, а не въ крайностяхъ противорѣчій должно ждать впереди правильнаго исхода, потому что, въ отношеніи къ необходимѣйшимъ товарамъ, есть страны, наиболѣе благоприятныя для изобильнаго производства, вывоза и преобладающаго значенія. При этомъ не подлежитъ сомнѣнію, что обширнѣйшія страны, подобныя С. А. С. Штатамъ, Россіи, Китаю, Австраліи, Бразиліи и т. п., обладающія множествомъ природныхъ богатствъ, тѣмъ самымъ наиболѣе пригодны для полученія очевидной пользы отъ развитія въ нихъ, чрезъ протекціонизмъ, всякихъ видовъ промышленности, начиная съ торговли. Но несомнѣнно также, что протекціонизмъ не можетъ дать своихъ плодовъ, т. е. широкаго развитія въ странѣ желаемыхъ видовъ промышленности, если ограничится однимъ обложеніемъ ввозныхъ товаровъ, хотя бы и очень разумно разочтеннымъ, потому что для обезпеченнаго въ будущемъ и полнаго развитія современной промышленности, кромѣ природныхъ условій, труда и возможной выгоды, совершенно необходимы не только большіе запасы знаній и крупныя капиталы, но и частная предпріимчивость, воспитываемая условіями всего гражданскаго строя страны, уваженіемъ къ труду и такою самодѣятельностію, которая обыкновенно называется свободою. Мнѣ пришлось бы писать и на эту тему большой томъ, еслибы я вздумалъ подтверждать это логическими соображеніями, историческими справками и статистическими данными, но не дѣлаю этого по той особенно причинѣ, что избралъ для своихъ „Завѣтныхъ мыслей“ предметами: просвѣщеніе, промышленность и управленіе — преимущественно ради средняго изъ этихъ условій „блага народнаго“, а потому въ предлагаемой книгѣ желающіе найдутъ мои отвѣты на всѣ указанныя требованія протекціонизма, понимаемаго въ томъ смыслѣ, который диктуется началами, лежащими въ основѣ государственности, націонализма, блага народнаго и возможнаго равенства странъ, чуждаго кичливости не только покроя китайскаго, но и англійскаго, а намъ, русскимъ, совершенно не свойственной, если взять не отдѣльныя единицы, а совокупность русскихъ людей.

Читатель видитъ, что сказанное выше относится до промышленности вообще и почти не касается прямо ни русскихъ особенностей, ни частныхъ отдѣльныхъ видовъ промышленности; общія же соображенія только тогда пріобрѣтаютъ плоть и кровь, когда входятъ въ реальныя частности, такъ какъ изъ нихъ состоитъ дѣйствительность, а общее составляетъ только отвлеченіе отъ нея и стремленіе охватить ее сложность. Поэтому одну изъ слѣдующихъ главъ предлагаю посвятить исключительно промышленности Россіи и нѣкоторымъ частнымъ ее видамъ, разсмотрѣніе которыхъ, по моему мнѣнію, можетъ выяснитъ современное наше промышленное состояніе въ болѣе конкретныхъ формахъ. Въ этомъ направленіи опять многоглаголаніемъ можно запутать мысль, хотя при разборѣ частныхъ и не слѣдуетъ избѣгать ни нѣкоторыхъ цифръ, ни кое-какихъ техническихъ подробностей; онѣ, по моему мнѣнію, въ концѣ концовъ сокращаютъ изложеніе.

Изъ того, что Россія владѣетъ двумя миллиардами десятинъ суши, населена болѣе чѣмъ 130 милліонами жителей и даетъ ежегоднаго прироста (перевѣса числа рождающихся надъ умирающими) около 2-хъ милліоновъ жителей ¹⁾, еще нельзя выводить заключенія о возможности и необходимости предстоящаго ей промышленнаго развитія. Мало для того присоединить сюда не только исторически ясную выносливую настойчивость народную, но и давнее направленіе его къ единству и порядку, осуществляемое единодержавіемъ, терпѣливостію и стремленіемъ къ просвѣщенію. Все это составляетъ многообѣщающую сумму условій первостепенной важности, но онѣ мало бы еще значили, еслибы Россія не занимала того срединнаго положенія, какое принадлежитъ ей въ Старомъ Свѣтѣ, еслибы ее почва и нѣдра не были столь богато снабжены всѣмъ, чего болѣе всего ищутъ люди—отъ плодородія чернозема и отъ богатствъ лѣсами, нефтью и каменными углями, до обширнѣйшихъ районовъ, способныхъ

¹⁾ Въ день прибываетъ въ Россіи среднимъ числомъ около 5¹/₂ тысячъ человекъ, то-есть ежеминутно около 4-хъ: по 2 мужчины и 2 женщины. Всякое общенародное оживленіе эти числа увеличиваетъ, а угнетеніе уменьшаетъ. Это все надо помнить твердо, судя, напримѣръ, о войнѣ, реформахъ и т. п. общенародныхъ дѣлахъ. Дни благодумія способны съ лихвой наверстать утраты угнетеннаго состоянія и потери сраженій. Въ такіе дни оживляются нервы и весь организмъ.

давать хлопокъ и виноградъ и до богатѣйшихъ рудниковъ желѣза и золота, и еслибы разработка всѣхъ этихъ природныхъ богатствъ, хотя еще въ относительно малыхъ размѣрахъ, не показывала уже возможности достигнуть скорыхъ и блестящихъ промышленныхъ результатовъ, среди всѣхъ нашихъ условій. Безъ обдуманнхъ, нарочитыхъ и настойчивыхъ правительственныхъ мѣръ, по моему крайнему разумѣнiю, всѣ эти задатки сами собою не могутъ довести до желаемого конца, содержащагося въ понятiи о ростѣ „народнаго блага“ въ нашей странѣ. Надо же, наконецъ, и для сомнѣвающихся показать, что нашъ промышленный ростъ есть, но малъ, не отвѣчаетъ ни требованiямъ времени, ни природнымъ ресурсамъ, и хотъ понемногу начать разбираться въ причинахъ нашей промышленной отсталости и бѣдности. Вотъ для этой нелегкой задачи писано нелицеприятное, а убѣжденное мое, какъ бы похвальное, слово промышленности въ этой главѣ. Осуждая или только указывая на недостатки просвѣщенiя, промышленности и управленiя, можно содѣйствовать анализу, но не тому синтезу, который теперь особенно надобенъ и состояться можетъ не при какомъ либо одностороннемъ развитiи хотя бы промышленности, или просвѣщенiя или правительства, хотя бы и по англiйскому образцу, а только при ихъ одновременномъ улучшенiи и развитiи всего этого по обсужденнымъ планамъ. Но говорить толково можно, лишь раздѣляя сложное на части, а потому, такъ какъ въ развитiи промышленности главное влiянiе неизбѣжно должно принадлежать строю правительства, для средоточiя всѣхъ сторонъ блага народнаго назначаемому, то для послѣдовательнаго изложенiя непремѣнно слѣдуетъ высказать личныя мысли о правительственномъ строѣ, какъ предметѣ, наиболѣе настоятельномъ и центральномъ. Пора высказывать личныя воззрѣнiя даже по отношенiю къ устройству Правительства настаетъ явно, и я попробую изложить свои „Завѣтныя мысли“, сюда относящiяся.

11 октября 1904 г.
С.-Петербургъ.
